

Вадим Бочков

Реинкарнатор
Карта вечности.

Вадим Бочков

Реинкарнатор. Карта вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73065903

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умирал, чтобы снова родиться. И снова терпеть неудачу.

Египетский писец, пытающийся сохранить истину в гробнице фараона. Греческий воин, создающий школу меча и слова. Алхимик-монах, ищущий эликсир вечной гармонии. Учёный XIX века, строящий машину, чтобы доказать существование божественного звука. И наш современник, чей ИИ-помощник находит странные совпадения в данных – общие сны, монеты со спиралью, одну и ту же женщину в разных эпохах.

Его зовут Альдор. Он – Реинкарнатор. Его миссия длится тысячелетия: починить разорванную нить реальности. Каждая жизнь – новый шанс. Каждая смерть – новое поражение. Но сейчас, в мире, опутанном цифровыми сетями, у него впервые есть инструменты, чтобы соединить все прошлые попытки.

Враги, охотящиеся за ним сквозь время, тоже не дремлют. Последняя битва за целостность мира началась. Его шанс – последний. На карту поставлена вечность.

Пять жизней. Одна цель. Самое грандиозное путешествие во времени, где любовь длится веками, а долг тяжелее смерти.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПИСЕЦ РАЗРЫВА	7
Глава 1: Сны о падающей звезде	7
Глава 2: Тень Сфинкса	11
Глава 3: Под сенью сикомора	16
Глава 4: В сердце горы Молчания	22
Глава 5: Приглашение в Бездну	29
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: МЕЧ И СЛОВО	39
Пролог. Память воды	39
Глава 1: Отзвук меди (Коринф, 428 год до н.э.)	40
Глава 2: Слова, что рубят большее меча	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Бочков

Реинкарнатор.

Карта вечности

П

РОЛОГ. Разрыв

Лаборатория, которой не должно быть. Где-то за пределами времени.

Боль была не физической. Это было чувство разрыва, бесконечного, невыразимого падения в пустоту, где даже свет казался осиротевшим. Альдор – не старый и не молодой, человек и не совсем человек – смотрел, как гибнет мир. Не планета, а сам каркас реальности. Золотые нити, связывавшие мысль с материей, вдохновение с действием, душу с душой, рвались одна за другой с звуком лопающихся струн гигантской арфы.

Он был одним из Стражей Гармонии. И он проспал предательство.

Теперь он стоял перед Источником – пульсирующим сердцем из света и музыки, которое с каждым мгновением теря-

ло свою силу. Единственный способ остановить распад – отправить искру сознания, память о целостности, внутрь разорванной системы. В сам материальный мир. Стать его частью. И чинить изнутри, жизнь за жизнью, эпоху за эпохой.

– Это будет пыткой, – проговорил голос Источника, звучащий как хор из миллионов шепотов. – Ты забудешь. Ты будешь слабым. Ты будешь терпеть поражение. Снова и снова. Боль от потерь будет накапливаться.

– Что будет, если я откажусь? – спросил Альдор, уже зная ответ.

– Они не погибнут сразу. Но мир станет медленно угасать. Магия уйдет первой. Потом вдохновение. Потом удача. Затем начнут рваться связи между любящими сердцами. Останутся лишь пыль, случай и одиночество. Тихий конец.

Альдор посмотрел на последние трепещущие нити. В одной из них мелькнул образ: женщина с глазами цвета моря в шторм. Он не знал ее, но его душа содрогнулась от тоски. Была ли она уже? Или она будет?

– Я согласен.

– Тогда вот твой якорь. Он будет будить тебя, – сказал

Источник, и в ладонь Альдору упал холодный металлический диск. Древняя монета с символом спирали, уходящей в центр и выходящей из него. – И твоя миссия: собрать ключи. В каждом воплощении будет свой. Собери их все, и в час, когда мир будет больше всего похож на паутину – одновременно связывающую и опутывающую, – ты сможешь всё исправить.

Боль стала абсолютной. Его ткань, его сущность разобрали на атомы и швырнули в воронку времени.

Последнее, что он увидел перед тем, как тьма поглотила его, была монета в его руке.

А потом был только вопль новорожденного под жарким египетским солнцем.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПИСЕЦ РАЗРЫВА

Глава 1: Сны о падающей звезде

Мемфис. Год 18-й правления фараона Аменхотепа из забытой династии.

Воздух в скриптории был густым от запаха папируса, туши и пота. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в стене, плясал в золотой пыли, отмечая неспешный путь времени.

Хефи, младший писец храма Тота, усердно выводил иероглифы, но его рука дрогнула. Капля черной туши упала на идеально белый папирус, расплылась безобразным пятном. Он вздрогнул, словно очнувшись. Опять этот сон.

Не сон даже. Чувство. Огромное, вселенское одиночество. Будто он сидит на вершине самой высокой пирамиды в мире, а вокруг – лишь беззвездная ночь и тишина, такая гнетущая, что хочется кричать, лишь бы услышать любой звук.

– Хе́пи! – старший писец Меренра ударил его по затычку тростниковой палочкой. – Опять витаешь в Дуате? Папирус дороже твоей мечтательности! Ещё одна клякса – и будешь молотъ зерно для жертвенных лепешек до следующего разлива!

Хе́пи покорно склонил голову. Он был прилежным учеником, но с ним это случалось всё чаще. Видения наяву. Отголоски музыки, которой не было. И главное – навязчивый образ: круглая металлическая пластина со спиралью. Он даже пытался тайно нарисовать её на обрывке черепка.

Вечером, когда жара спала, Хе́пи отправился к набережной Нила. Великая река, дающая жизнь, успокаивала его. Он смотрел, как багровое солнце тонет в воде, и вдруг... его сердце бешено заколотилось.

На пристани шумела толпа. Прибыл торговый караван из дальних северных земель. Среди тюков и клеток с диковинными зверями стоял седой старик в странной, не египетской одежде. И он что-то показывал зевакам, лежавшее на бархатной тряпице.

Хе́пи, подгоняемый необъяснимым порывом, протиснулся вперёд.

На тряпице лежали безделушки: амулеты из чужих богов, бусы, обломки оружия. И среди них – она. Монета. Потёртая, древняя, но с абсолютно чётким изображением. Спираль, уходящая в центр.

Мир вокруг Хепи поплыл. Шум пристани стих, сменившись оглушительным звоном в ушах. Он увидел:

Вспышку ослепительного света.

Человека в белых одеждах (себя?), падающего в бездну.

И чувство... чувство долга такого неподъёмного веса, что хотелось сгореть на месте.

– Сколько? – выдохнул он, не узнавая собственный голос.

Старик-торговец посмотрел на него внимательными, колючими глазами.

– Для тебя, сын Кемета, – медленно проговорил он на ломаном египетском, – она не имеет цены. И она имеет бесконечную цену. Ты её ищешь?

Хепи, не в силах вымолвить ни слова, просто кивнул. Он вытащил из-за пояса весь свой скромный заработок – медные кольца и пару серебряных дебенов.

Торговец усмехнулся, взял лишь один дебен. Пальцы его, холодные и сухие, как змеиная кожа, на мгновение сомкну-

лись на руке Хеби.

—Она проведёт тебя к началу, — прошептал он так тихо, что то ли сказал, то ли почудилось. — И к концу. Береги её. В тени пирамид правда может стать ложью.

Хеби схватил монету. Металл, который должен был быть холодным, жёг ладонь. В этот момент с другой стороны пристани он заметил высокого человека в белых льняных одеждах жреца. Это был Птахотеп, сын верховного жреца Каиры. Его холодный, изучающий взгляд был прикован не к монете, а к самому Хеби. И в этом взгляде не было ни капли простого любопытства. Было знание.

Птахотеп повернулся и медленно пошёл прочь, растворившись в вечерних сумерках.

Хеби сжал монету в кулаке. Сон кончился. Приключение — только начиналось. И он, сам того не ведая, уже сделал первый шаг навстречу тайне, что была древнее самих пирамид, и опасности, что мудренее любой ловушки в царской гробнице.

Глава 2: Тень Сфинкса

Монета стала его тайным проклятием и благословением. Хепи спрятал её в пустом пространстве деревянной головки своей тростниковой кисти – самое безопасное место, ведь её никогда не отнимали. Но с того дня на пристани сон стал явью. Обрывки воспоминаний, не его собственных, прорывались в сознание, словно вода сквозь треснувшую дамбу.

Он видел каменные стены, обвитые виноградом, и чувствовал на плече тяжесть не египетского меча. Слышал гул непонятных механизмов и запах гари, смешанный с ароматом странных духов. И сквозь все эти видения проходила одна мелодия – печальная и величавая, как песня Нила о временах, которые он помнил.

Через три дня после встречи с торговцем Хепи и ещё троих писцов вызвали в главный зал храма Тота. Воздух здесь был иным – густой от ладана и власти. На каменном престоле сидел верховный жрец Каира, человек с лицом, подобным высушенному руслу вади, мудрым и беспощадным. Рядом, словно тень, стоял его сын, Птахотеп.

– Юные пера (писцы), – голос Каиры был тихим, но запол-

нил всё пространство. – Фараон, да продлят боги его дни, задумал великое дело. В священной Долине начинает строиться его Дом Вечности. И туда, в самую плоть горы, должны лечь не только золото и лазурит, но и Слово. Священные тексты, которые проведут его ка через все опасности Дуата к полям Иалу.

Хеби почувствовал, как у него похолодели руки. Долина Царей. Самое запретное и священное место.

– Вы избраны, – продолжал Каира, и его взгляд скользнул по лицам писцов, чуть дольше задержавшись на Хеби. – Ваша рука тверда, а сердце, мы верим, предано богам и фараону. Вы будете работать в специальной скриптории у входа в Долину. Туда будут доставлять эталонные тексты. Ваша задача – перенести их на стены с абсолютной точностью. Один неверный иероглиф... – Он не договорил, но смысл был ясен как день. Смерть была бы милостью.

Вечером того же дня, когда Хеби собирал свои инструменты, к нему подошёл Птахотеп. Он двигался бесшумно, как кошка.

– Хеби, сын Неб-итет? Рад за тебя. Удача улыбнулась тебе.

– Милость богов, – покорно ответил Хеби, не поднимая глаз.

– Да, милость, – Птахотеп взял со стола новую кисть, по-

крутил её в пальцах. – Странная штука удача. Иногда она приходит через странных людей. Через торговцев, например, которые продают древний хлам за серебро.

Хеби едва не подавился собственным дыханием.

–Я не понимаю, господин.

–Древняя греческая монета, мальчик. Очень древняя. Из исчезнувшего города. Говорят, такие были у посвящённых в мистерии Деметры. Мистерии жизни и смерти. Интересно, что она делает в руках египетского писца?

Птахотеб бросил кисть на стол.

–Мой отец – мудрец. Он верит в чистоту помыслов. Я же верю в чистоту происхождения. Следи, чтобы твои инструменты и мысли были чисты. В Долине нет места чужим богам.

Он ушёл, оставив Хеби в холодном поту. Как он узнал? Следил? Торговец был его человеком? Мысли путались.

Выходя из храма в последних сумерках, Хеби столкнулся с женщиной. Кувшин с водой выскользнул из её рук и разбился.

–Прости! О, прости, господин! – её голос был мелодичным, как звон храмового систра.

Хеби поднял голову и замер. Перед ним стояла жрица, со-

всем юная, в простом белом одеянии. Но не это поразило его. Её глаза... Цвета Нила в полноводье, зелёно-голубые, с золотистыми искорками. И в них он увидел то самое беззвёздное небо из своих снов. Но теперь в этом небе была одна яркая точка. Надежда.

– Это я неосмотрителен, – пробормотал он, помогая ей собрать черепки. Его пальцы коснулись её руки, и по спине пробежала странная, тёплая дрожь – не страх, а узнавание.

– Я Нефер, – улыбнулась она, и казалось, темнота отступила. – Служу в храме Хатхор.

– Хепи. Писец Тота.

– Я знаю, – сказала она неожиданно. – Я видела, как ты уходишь последним. Ты всегда что-то ищешь в свитках. Не только буквы.

Он остолбенел.

– Не бойся, – она понизила голос до шепота. – Я тоже иногда слышу музыку. Ту, которой нет. И вижу... трещины на мире. Тонкие, как паутина.

Сердце Хепи готово было вырваться из груди. Он не был один.

– Ты... что ты знаешь о монетах со спиралью? – выдохнул он, не в силах совладать с порывом.

Нефер на мгновение замерла, её глаза расширились.

–Тише, – прошептала она, оглядываясь. В темноте заколыхались тени от факелов стражи. – Не здесь. Завтра, после заката. У старого сикомора за южной стеной. Принеси её. И... будь осторожен с Птахотепом. Он не тот, за кого себя выдаёт. Он ищет нечто древнее. Нечто, что может дать власть над самой смертью.

Не успев сказать больше, она скользнула в темноту, как призрак.

Хеби стоял, сжимая в кармане кисть с тайником. Внезапный вызов в Долину, интерес Птахотепа, встреча с Нефер... Это не было цепью случайностей. Это был узор. И он, Хеби, держал в руках первую нить. Страшная, головокружительная мысль осенила его: а что, если его сны – не безумие? Что если они – память? И долг, который он чувствовал, был долгом не перед фараоном, а перед самой Вселенной.

А где-то в темноте, с плоской крыши соседнего здания, за ним наблюдали холодные глаза Птахотепа. В руках жреца поблёскивал маленький, изящный амулет в форме змеи, готовый к укусу.

Глава 3: Под сенью сикомора

Сикомор был древним исполином, его корявые ветви, казалось, впивались в самую ночь, черпая из неё звёздный свет. Хепи пришёл раньше, обливаясь холодным потом, хотя вечер был прохладен. Каждый шорох, каждый крик ночной птицы заставлял его вздрагивать. В руке он сжимал свою кисть, чувствуя под обмоткой твёрдый контур монеты.

Он не слышал её шагов. Она возникла из темноты бесшумно, как видение. Нефер была без жреческих облачений, в простом тёмном платье, её волосы скрывал капюшон.

– Ты пришёл, – сказала она, и в её голосе было облегчение.
– Ты говорила о трещинах. И о музыке, – сразу начал Хепи, не в силах терпеть. – Что это?

Нефер подошла ближе. В лунном свете её лицо казалось высеченным из слоновой кости.

– Сначала покажи монету.

Он, колеблясь, размотал обмотку на кисти и вытащил диск. В слабом свете спираль казалась живой, готовой прийти в движение. Нефер замерла, её глаза наполнились не про-

сто изумлением, а чем-то вроде благоговейного ужаса.

– «Ключ к Началу и Концу», – прошептала она, почти неслышно. – Я думала, это легенда. Миф, который старше Ра.

– Откуда ты знаешь? – голос Хепи дрогнул.

– В храме Хатхор есть... иные свитки. Не для всех. Там говорится о Времени до Времён. Когда боги ходили среди людей не как образы, а как сила в самой плоти мира. И была связь. Прямая. Как нерв. Потом... что-то случилось. Великий Разрыв. И те, кто помнил Истину, стали оставлять знаки. Ключи. Чтобы когда-нибудь кто-то собрал их и... починил мир.

Хепи слушал, и каждая её слово падала в его душу, как семя в подготовленную почву. Это объясняло всё: сны, тоску, невыносимое чувство долга.

– Я вижу эти трещины, – сказала Нефер, глядя куда-то поверх его плеча. – Над людьми, над зданиями, над самой землёй. Тонкие, чёрные линии. Иногда они расширяются, и тогда случается беда: урожай гибнет, любовь обращается ненавистью, мудрое решение приносит гибель. Мир болен, Хепи. А Птахотеф...

Она сделала шаг ближе, её дыхание коснулось его лица.

– Он не просто жрец. Он – «Ловец эха». Так называют се-

бя те, кто охотится за остатками силы тех, древних времён. Они верят, что можно вырвать кусок той древней мощи и использовать для себя. Они ищут ключи, чтобы сломать их или подчинить. Твой интерес к старым текстам, твоя мечтательность... он что-то заподозрил. А теперь эта монета... Она – магнит для него и для его братии.

– Что мне делать? – спросил Хепи, и в его голосе прозвучала мольба. – Завтра мы уходим в Долину.

– В Долину? – глаза Нефер вспыхнули. – Осирис бездны... Это не случайно. Там сила земли, сила смерти и возрождения сходятся. Если где и можно оставить ключ навеки – так это там. Слушай, – она схватила его за руку. – Ты должен быть осторожнее тени. Но и должен искать. Ищи в Долине знаки. Такие же, как на монете. Или... или другие. Если легенда правда, ключи могут быть разными: слово, рисунок, даже поступок. Но они должны быть запечатлены в нужном месте и в нужное время.

– Почему ты мне веришь? Почему ты помогаешь? – наконец вырвалось у него.

Нефер на мгновение опустила глаза.

– Потому что я тоже слышу музыку. И потому что вижу трещину... на тебе. Она идёт от самого сердца. Но в ней, в самой её глубине... есть свет. Такого я не видела ни у кого.

Ты несешь в себе не болезнь, Хеби. Ты несешь в себе... возможность исцеления.

Внезапно она вздрогнула и резко обернулась, вглядываясь в темноту за деревом.

—Что?

—Нас слышали, — её голос стал ледяным. — Я чувствую... холодное внимание. Как взгляд скорпиона из-под камня. Уходи. Теперь. Разными путями. Запомни: доверяй только своей крови и тишине в своём сердце. И если найдёшь что-то в Долине... найди способ сообщить мне. Через воду.

— Через воду?

—Нил слышит всё. Брось записку в воду у старого причала с резной лотосами. Я буду проверять.

Она толкнула его в сторону тропинки, ведущей к городу, а сама метнулась в противоположную сторону, в полную тьму пустыря.

Хеби, сжав монету, бросился бежать. Сердце колотилось, в ушах стучала кровь. Он обернулся лишь раз, у городской стены. На фоне огромного сикомора ему почудилось движение — высокая, худая фигура, отделившаяся от ствола. И два прищуренных глаза, холодно поблёскивавшие в лунном свете.

Их разговор подслушали.

Вернувшись в свою каморку в храмовых кладовых, Хеби не мог уснуть. Слова Нефер звенели в нём. «Починить мир». Безумие. Но почему это безумие ощущалось как единственная правда, которую он когда-либо знал?

Он достал монету и положил её перед собой. Спираль. Путь в центр и путь из центра. Он вспомнил фразу торговца: «Она проведёт тебя к началу. И к концу».

Начало было здесь. В Египте. А конец? В Долине? Или где-то за гранью жизни, о которой он стал смутно догадываться?

Утром, когда он с другими писцами садился на ладью, чтобы плыть к Долине Царей, он видел на причале Птахотепа. Тот беседовал с капитаном охраны, жестом указывая на их лодку. Его лицо было спокойным, но когда его взгляд встретился с взглядом Хеби, в уголках его губ дрогнула едва уловимая улыбка. Улыбка рыбака, который знает, что рыба уже клюнула и теперь дело за терпением и мастерством.

Лодка отчалила. Хеби смотрел на удаляющийся Мемфис, на величественные пирамиды на горизонте. Он плыл в серд-

це страны мёртвых, неся в руках ключ от чего-то бесконечно большего. И он чувствовал, что за ним, сквозь воды Нила и пески времени, тянется незримая тень с холодными глазами и жаждой, древнее самой смерти.

Глава 4: В сердце горы Молчания

Долина встретила их безмолвным зноем. Воздух дрожал над раскалёнными камнями, и даже тени казались хрупкими, готовыми рассыпаться. Ладья причалила к временной пристани, и писцов повели по узкой тропе, втиснутой между отвесными скалами цвета охры и крови. Здесь не пели птицы. Единственным звуком был вой ветра, продиравшегося сквозь расщелины, да отдалённые удары медных кирок – музыки созидания Дома Вечности.

Скрипторий оказался не пещерой, как ожидал Хепи, а большим тентованным шатром у самого входа в ещё не законченную гробницу. Внутри царила организованная прохлада: циновки на полу, постоянно смачиваемые водой рабыни, стеллажи со свитками и табличками. И – тишина, прерываемая лишь скрипом тростниковых перьев и шёпотом писцов, сверяющих тексты.

Работа была монотонной и священной. Им приносили эталоны – «Тексты пирамид», «Книгу мёртвых», гимны Осирису и Ра. Хепи должен был с абсолютной точностью переносить их на известняковые стены внутренних камер, которые уже подготовили каменотёсы. Его рука работала автоматиче-

ски, а ум блуждал. Он смотрел на иероглифы не как на священные символы, а как на возможные тайные послания. Не искал ли он среди этих «слов для богов» тот самый «знак», о котором говорила Нефер?

Прошла неделя. Хепи ничего не нашёл, кроме нарастающего чувства тревоги. Птахотепп приезжал дважды, формально проверяя работы, но его внимание всегда было приковано к Хепи. Он не спрашивал больше о монете, но его присутствие было вопросом, висящим в воздухе.

Однажды, ближе к вечеру, когда жара немного спала, Хепи отпросился из шатра, чтобы «очистить ум и вознести молитву». Ему разрешили – благочестие всегда приветствовалось. Он брёл по тропинке, ведущей к рабочему лагерю, но свернул в небольшую боковую расщелину, почти незаметную за грудой камней.

Он искал уединения, но нашёл нечто большее.

Расщелина вела в маленький, скрытый от глаз грот. Вероятно, им пользовались древние рабочие. На стенах были нацарапаны примитивные рисунки и надписи: «здесь был Хуфу», «начальник бригады – осёл». Хепи хотел уже выйти, когда луч заходящего солнца, точно прицелившись, упал на дальнюю стену.

Там, под слоем пыли и более поздних рисунков, проступали иные линии. Не иероглифы. Знаки.

Сердце Хепи заколотилось. Он бросился вперёд, смахнул пыль рукавом. И увидел.

Это была не спираль. Это был сложный, геометрический узор, напоминающий цветок или снежинку, составленный из пересекающихся треугольников и окружностей. Он был высечен тонко и искусно, и от него веяло такой же древней, вневременной тайной, как и от монеты. А под узором – несколько строк знаков, которые Хепи никогда не видел. Они не были египетскими. Они не были... человеческими.

И тут его осенило. «Ключи могут быть разными». Что если этот узор – и есть ключ? Не предмет, а знание, образ, который нужно увидеть и сохранить?

Он лихорадочно осмотрелся, нашёл острый осколок камня и на ближайшей плоской плите начал срисовывать узор и знаки. Руки дрожали. Каждый звук снаружи заставлял его вздрагивать. Он работал быстро, с удивительной для себя точностью, будто его рукой водила чужая память.

Вдруг снаружи слышались шаги и голоса. Приближа-

лись.

—...осмотр перед запечатыванием камеры фараона. Всё должно быть готово.

—Да, господин Птахотеп. Печать нанесена, как вы и велели.

Хеби замер. Птахотеп! Он здесь, в Долине, и говорит о запечатывании камеры. Значит, работы близятся к завершению. У него почти не осталось времени.

Шаги прошли мимо расщелины. Хеби выждал, затаив дыхание, пока они не стихли. Затем, спрятав свой камень с рисунком под одежду, выбрался наружу.

Вечером, при свете масляной лампы в своём уголке шатра, он изучал рисунок. Знаки ничего ему не говорили. Но узор... если долго смотреть, он начинал казаться трёхмерным, вращающимся. Он гипнотизировал. И в этом гипнозе Хеби почувствовал слабый, едва уловимый отклик. Ту самую музыку, только в виде вибрации в костях. Этот узор был частью чего-то большого. Частью механизма починки мира.

Он должен был сообщить Нефер. Но как? Он не мог уйти из Долины. Тогда он вспомнил её слова: «Через воду».

На следующий день, во время перерыва, он украдкой на-

писал на маленьком обрывке папируса: «Нашёл знак. Не иероглиф. Узор в скале. Что делать?» Он не стал подписываться. Свернул записку в трубочку, залил воском, а внутрь положил крошечный кусочек ладана – знак, что это от него.

Когда их водили к Нилу для омовения, он отстал от группы под предлогом, что потерял амулет. Убедившись, что за ним не следят, он подбежал к воде и бросил записку в быструю струю. Нил подхватил её и понёс вниз по течению, к Мемфису.

Теперь оставалось ждать. И работать.

Через два дня, когда Хепи заканчивал наносить текст в одной из боковых камер гробницы, к нему подошёл главный мастер-строитель.

–Ты, писец. Тебя требует верховный жрец Каира. В своей походной палатке.

Сердце упало. Каира здесь? Значит, что-то серьёзное.

Палатка Каиры была невелика, но внутри царила строгая роскошь. Сам верховный жрец сидел на складном стуле, изучая разложенные перед ним чертежи. Птахотеф стоял за его правым плечом. Лицо Каиры было непроницаемым.

–Хепи. Твоя работа удовлетворительна. Твоя рука твёрда,

а ошибок мало.

—Благодарю, господин.

—Поэтому я выбрал тебя для особой задачи, — Каира поднял на него глаза. В них не было ни тепла, ни гнева. Была только холодная оценка. — В самой сердцевине гробницы, в погребальной камере фараона, есть одна стена. Она остаётся пустой. Туда не лягут стандартные тексты. Туда должно лечь... иное знание. Знание, которое я тебе продиктую.

Хеби почувствовал, как земля уходит из-под ног. Погребальная камера. Самое священное место. И ему, младшему писцу, доверяют это?

—Отец, — мягко вступил Птахотеп. — Он ещё молод. Может, лучше...

—Молод, но чист, — отрезал Каира, не глядя на сына. — И у него есть дар. Он чувствует слова, а не просто пишет их. Это нужно для данного текста. Это не просто слова, сын мой. Это... приглашение.

Взгляд Каиры вернулся к Хеби.

—Ты будешь работать ночью. Один. Никто не должен видеть этот текст, пока он не будет завершён. Это величайшая тайна и величайшая честь. Отказываешься?

Хеби понимал, что отказ равен смерти. Но и согласие казалось ловушкой. Он вспомнил слова Нефер о Птахотепе:

«Он ищет нечто древнее». Что, если Каира – часть этого? Или он имеет свои цели? Что за «приглашение» должно быть начертано в сердце гробницы?

Но монета в его кисти словно излучала тепло, подпитывая его решимость. Это был шанс. Возможно, именно тот, который он ждал. Нанести ключ в самое сердце мира мёртвых.

–Я согласен, господин. Буду ждать указаний.

Каира кивнул, удовлетворённо.

–Хорошо. Сегодня после заката охрана проведёт тебя. Удачи, писец. От этого зависит больше, чем ты можешь представить.

Выйдя из палатки, Хеви чувствовал на себе пристальный взгляд Птахотепа. В нём не было ни злобы, ни раздражения. Было... любопытство. Как у учёного, наблюдающего за интересным экспериментом.

Что-то готовилось. Что-то огромное. И Хеви, сам того не желая, оказался в самом центре. Он шёл к своей палатке, и ему казалось, что стены Долины смыкаются над ним, превращаясь в гигантскую каменную ловушку. Но в его руке был осколок камня с таинственным узором, а в сердце – слабая, но упрямая надежда, что он на правильном пути.

Глава 5: Приглашение в Бездну

Закат в Долине был кроваво-красным и коротким. Тени скал, удлиняясь, словно чёрные пальцы, сомкнулись над лагерем. Хепи сидел в своей палатке, перебирая кисти и краски. Его инструменты были проверены и перепроверены. Но дрожь в руках унять не удавалось.

Его пришёл забрать не простой стражник, а личный нубиец Каиры – гигант с кожей цвета воронова крыла и глазами, в которых не отражался свет факелов. Молча, он жестом указал Хепи следовать за собой.

Они шли вглубь Долины, мимо запечатанных устьев других гробниц, к свежeweсеченному входу, который был ещё широко открыт. У входа, вместо обычной стражи, стояли двое мужчин в простых одеждах, но с осанкой воинов и пустыми, безразличными лицами наёмников. Они пропустили Хепи и нубийца внутрь.

Внутри пахло сырым камнем, пылью и ладаном. Факелы, закреплённые в стенных кольцах, отбрасывали прыгающие тени на иероглифы, уже нанесённые на стены коридоров. Воздух был неподвижным и тяжёлым. Они спустились

по наклонному коридору, прошли через несколько ложных дверей и, наконец, оказались в небольшой, но высоченной камере. Погребальная камера фараона.

Здесь ещё не было саркофага. Камера была пуста, если не считать груды инструментов в углу и низкого каменного пюпитра для красок. Стены были гладко отшлифованы, готовые принять последние, самые важные слова. И в центре дальней стены – прямоугольник идеально чистого камня, очерченный тонкой красной линией. Место для «особого текста».

В камере уже ждали Каира и Птахотеп. Верховный жрец держал в руках один-единственный свиток, но не папирусный, а кожаный, старый, потёртый по краям.

– Оставь нас, – сказал Каира нубийцу. Тот молча удалился, его шаги затихли в коридоре.

Теперь они были втроём в подземной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием факелов.

– Вот текст, – Каира развернул свиток. На нём были столбцы иероглифов, но таких, какие Хепи видел впервые. Они были архаичными, угловатыми, и некоторые символы казались искажёнными, будто намеренно испорченными. – Ты должен перенести его на эту стену. Без ошибок. Без измене-

ний. Каждый знак – священен.

Хеби подошёл ближе, начал читать. Первые строки были знакомы – стандартные обращения к богам подземного мира. Но дальше... дальше текст менялся. Он говорил не о защите души фараона, а о... открытии. О «снятии печатей с врат», о «призыве стражей из глубоких мест», о «приготовлении ложа для гостя из-за пределов звёзд».

Лёд пробежал по спине Хеби. Это не было приглашением к богам. Это было приглашением к чему-то иному. Чему-то, что должно прийти честь смерть фараона и занять его место. Или использовать его тело как врата.

Он поднял глаза и встретил взгляд Каиры. В глазах старика горел холодный, фанатичный огонь.

– Это... не канонический текст, господин, – осторожно сказал Хеби.

– Канон создан людьми, – отрезал Каира. – Это – слова, пришедшие из более древнего источника. Из времени, когда границы между мирами были тонки. Фараон... наш фараон болен. Его ба (душа) слаба. Он не сможет пройти через поля Иалу. Но с помощью этого текста, в момент его смерти, откроется иной путь. Придёт Сила. И она возьмёт его плоть, обновит её и будет править миром уже не как смертный, а как бессмертный владыка. Ты, Хеби, участвуешь в рождении

нового бога.

Безумие. Чистейшее безумие. Но в нём была своя чудовищная логика. Птахотепп стоял, слегка улыбаясь, наблюдая за реакцией Хеппи.

– А если... если эта Сила враждебна? – не удержался Хеппи.

– Тогда мы её подчиним, – спокойно сказал Птахотепп. – У нас есть... инструменты. Древние артефакты. Включая те, что мы ищем. Этот текст – лишь часть ритуала. Крючок. А чтобы поймать рыбу, нужна наживка и крепкая леска.

Хеппи понял. Фараон – наживка. А «ключи», которые ищет Птахотепп, – это и есть леска и крючок. Они хотят поймать и подчинить себе одну из тех древних сил, что существовали до Разрыва. Использовать её для собственного бессмертия и власти. Это было не исцеление мира. Это было его окончательное растрепывание.

– Начни работу, – приказал Каира. – Мы будем проверять твой прогресс каждую ночь. Не пытайся ничего изменить. Знаки должны быть точными. От этого зависит успех всего.

Они ушли, оставив его одного в камере с факелами, красками и свитком, от которого веяло ледяным ужасом.

Первые часы Хепи работал как автомат, ошеломлённый открывшейся бездной. Он выводил зловещие иероглифы, и каждый из них словно высасывал из него кусочек тепла. Текст был длинным. Работа на всю ночь.

Но ближе к полуночи, когда тело ныло от усталости, а разум цеплялся за грани безумия, его пальцы сами потянулись к поясу, где в мешочке лежал камень с узором из грота. Он вытащил его, положил на пюпитр.

И тут случилось озарение.

Он смотрел на узор, потом на строки иероглифов. И увидел связь. Не явную, но... ритмическую. Архаичные знаки на свитке, если смотреть на них не как на слова, а как на узор, складывались в отдельные элементы, которые перекликались с частями священной геометрии на камне! Это был не просто текст. Это была диаграмма. Часть машины. А та «Сила», которую хотят призвать Каира и Птахотепа, была не целью, а... энергией. Топливом.

Они хотели использовать древний, исцеляющий механизм – наоборот. Не починить Разрыв, а прорвать его окончательно в одной точке, чтобы хлынувшая энергия поработила реальность.

У Хепи перехватило дыхание. Он понял свою истинную миссию. Он не мог просто отказаться. Он должен был саботировать. Изменить текст так, чтобы вместо «крючка» получился «ключ». Чтобы энергия, если её призовут, не поработила, а исцелила. Но как? Он не знал полного смысла узора.

Отчаяние охватило его. И тогда он снова слышал её. Музыку. Тонкую, как паутинка, мелодию, проникающую сквозь толщу камня. Она исходила... от самого узора на камне. И она подсказывала.

Дрожащими руками Хепи взял тростниковое перо. Он не стал стирать уже написанное – это было бы сразу заметно. Но в следующих строках он начал вплетать крошечные изменения. Менял направление штриха в ключевых иероглифах, добавлял едва заметные точки, изменял угол наклона знака. Он встраивал в текст фрагменты узора, переводя геометрию в письмо. Это была титаническая задача на грани его понимания, но музыка вела его руку. Он работал в трансе, не чувствуя усталости, будто не он, а кто-то древний и мудрый писал через него.

Первый петух (где-то далеко, в лагере) пропел, когда он закончил. Он отступил на шаг и посмотрел на стену. Глазом ничего необычного не заметить. Но он чувствовал разницу.

Текст теперь вибрировал иначе. Он не звал. Он... настраивал. Как камертон.

Внезапно снаружи, в коридоре, послышались шаги. Быстрые, лёгкие. Не тяжёлая поступь стражи. Хеби инстинктивно схватил камень с узором и сунул его за пазуху.

В проёме двери возникла Нефер. Она была бледна, её глаза блестели лихорадочно. На её простом платье были пятна грязи и паутины.

– Хеби! – она зашептала. – Ты в страшной опасности! Я получила твою записку... и узнала больше. Птахотепп не просто «Ловец эха». Он заключил договор с одним из... падших стражей Разрыва. Сущностью, которая питается страхом и раздором. Ритуал в гробнице – не для фараона! Это ловушка для тебя!

– Для меня? – Хеби онемел.

– Да! Они знают, что ты носитель искры! Монета привела тебя к ним. Твой «дар» чувствовать слова – он нужен, чтобы активировать текст! Но активация выжжет твою душу и откроет врата полностью! Фараон – просто фокус, приманка для богов, чтобы они не вмешались. А главная жертва – ты!

Шаги! Теперь тяжёлые, несколько пар. Стража. Или Каира с Птахотеппом.

– Беги! – схватила его за руку Нефер. – Сейчас!

– Не могу! – отчаялся Хепи. – Они убьют тебя, если найдут меня здесь!

– Уже поздно думать об этом, – в её глазах стояли слёзы, но голос был твёрд. – Я отвлекла стражу у входа, но ненадолго. Знай: я... я помню отблески. Отблески других жизней. Где-то там, где море и белые колонны... мы тоже были вместе. Беги! Чтобы встретиться вновь!

Она толкнула его в сторону узкой служебной ниши. Сама же вышла на середину камеры, навстречу факелам, уже заполнявшим коридор.

– ЖРИЦА? Что ты здесь делаешь? – прогремел голос Птахотепа.

– Я пришла освятить место для грядущего бога, – гордо ответила Нефер, и в её голосе зазвучала непоколебимая власть жрицы. – И вижу осквернение! Вы принесли сюда нечистый текст!

Начался шум, крики. Хепи, прижавшись в темноте ниши, видел, как в камеру ворвались Птахотеп, Каира и нубиец. Птахотеп, увидев Нефер, замер, а потом медленная, хищная улыбка растянула его губы.

– Какая преданность... и какая глупость. Возьмите её.

Нубиец шагнул вперёд. В этот момент Нефер выхватила из складок платья маленький кинжал и, не целясь, метнула его в сторону свитка, лежавшего на пюпитре. Клинок вонзился в кожу, но не задел текста.

Этого было достаточно. Все взгляды на мгновение привлекло это действие. Хепи, не раздумывая, нырнул вглубь ниши. Его руки нащупали в камне щель, затем – пустоту. Это был вентиляционный шахт, пробитый древними строителями для воздуха. Узкий, тёмный, ведущий наверх.

Последнее, что он услышал, пробираясь в тесной, пыльной трубе, был яростный крик Птахотепа: «Найдите писца! Он не мог уйти далеко! Живым или мёртвым – но найдите!» И тихий, полный скорби голос Каиры: «Обезглавить жрицу. Её кровь ускорит призыв.»

Слёзы хлынули из глаз Хепи. Он полз наверх, царапая руки и лицо о камни, сжимая в одной руке монету, в другой – камень с узором. Он бежал, оставив её на верную смерть. Его миссия, его долг – всё казалось бессмысленным перед этой потерей.

Но её слова горели в его памяти: «Чтобы встретиться ВНОВЬ».

Шахт вывел его на склон горы, далеко от входа в гробницу. Над Долиной занимался рассвет. Где-то внизу уже поднималась тревога. У него было немного времени.

Он посмотрел на монету в своей окровавленной ладони. Спираль. Путь в центр. Он сделал свой выбор. Он изменил текст. Он оставил ключ, спрятанный в самом сердце ловушки.

И теперь он должен был бежать. Чтобы жить. Чтобы в следующей жизни, под другими звёздами, снова попытаться выполнить свой долг. И, может быть... найти её.

Он бросил взгляд на последний раз на дымку над Долиной, где оставалась его любовь и его работа, и побежал на восток, к восходящему солнцу, за которым его ждала не смерть, а новая, бесконечная жизнь страданий и надежды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: МЕЧ И СЛОВО

Пролог. Память воды

Смерть пришла не как враг, а как освобождение. Хепи бежал через пустыню три дня, пока солнце и жажда не свели его с ума. Последнее, что он увидел перед тем, как тьма поглотила его, – это мираж: не пирамиды, а белые колонны на фоне лазурного моря. И женский голос, напевавший мелодию, которую он слышал в сердце подземной камеры.

А потом – вода. Холодная, солёная, бесконечная. Ощущение падения в бездну, которая не убивала, а очищала. Вода смывала с него прах Египта, боль потери, отчаяние неудачи. Но не чувство долга. Оно, как тяжёлое ядро, тянуло его на дно, в новую жизнь.

Он родился с криком, заглушённым шумом прибоя. И первое, что он узнал, – это запах моря и оливковых деревьев. Его называли Леандром.

Глава 1: Отзвук меди

(Коринф, 428 год до н.э.)

Рынок в Коринфе гудел, как потревоженный улей. Воздух был пропитан запахами рыбы, чеснока, горячего воска и пота. Леандр, высокий и широкоплечий юноша с тёмными, собранными в хвост волосами, протискивался через толпу, крепко сжимая кошель с деньгами от проданного вина. Его отец, разорившийся аристократ, теперь владел крошечным виноградником, и Леандр часто ездил в город продавать урожай.

Он ненавидел эти поездки. Шум, суета, жадные взгляды торговцев – всё это казалось ему мелким и суетным. В душе он чувствовал тягу к чему-то большему. Часто по ночам ему снились странные сны: тёмные коридоры, покрытые странными знаками стены, и чувство невыполненного долга, такого острого, что он просыпался с криком. А ещё был звук – тихая мелодия, которую он не мог ни вспомнить, ни забыть.

Именно в поисках тишины он свернул с главной площади в узкий переулок, где торговали старьёвщики и ремесленники. Здесь было чуть спокойнее. Его взгляд скользнул по прилавкам, заваленным треснувшей керамикой, ржавыми

инструментами и потрёпанными свитками.

И остановился.

На краю лотка седого, одноглазого старика, между сломанной фигуркой Афродиты и парой старых сандалий, лежала монета.

Она была не греческой. Более древней, потёртой, но на ней ясно угадывалась спираль, уходящая в центр.

Леандр замер. Сердце заколотилось с такой силой, что он почувствовал звон в ушах. Перехватило дыхание. Перед глазами поплыли образы:

Жаркое солнце, колонны храма, запах папируса и туши.

Тёмная камера, факелы, искажённые лица жрецов.

Женские глаза цвета Нила, полные слёз и решимости.

И всепоглощающее чувство вины. Вины за то, что оставил её умирать.

– Эй, мальчик! Живёшь? – хриплый голос старьёвщика вырвал его из видения.

– Э-эту монету, – Леандр с трудом выговорил, указывая дрожащим пальцем. – Сколько?

Старик взял монету, покрутил в пальцах.

–Любопытная штука. Египетская, наверное, или ещё древнее. Нашёл в развалинах после землетрясения. Для тебя... две драхмы.

Леандр, не торгуясь, высыпал деньги из кошель. Его пальцы сомкнулись на холодном металле. И в этот момент он вспомнил. Вспомнил всё. Не как историю, а как прожитую жизнь. Он был Хефи. Он был писцом. Он пытался что-то исправить и потерпел неудачу. Он потерял женщину по имени Нефер. И у него была миссия, которая теперь, в этой новой жизни, казалась ещё более невыполнимой и далёкой.

– Тебе нехорошо, сынок? – поинтересовался старик.

–Нет... то есть да. Всё в порядке, – Леандр отступил, сжимая монету так, что края впились в ладонь. Он почти бегом выбежал из переуллка на солнечную площадь.

Теперь мир вокруг казался другим. Он смотрел на белые мраморные храмы, на спешащих людей, на корабли в гавани – и видел не величие Эллады, а хрупкость. Он чувствовал ту самую «трещину», о которой говорила Нефер. Она была повсюду: в озлобленных взглядах бедняков, в высокомерии знати, в готовности граждан вцепиться друг другу в глотку из-за политических разногласий. В воздухе витал запах грядущей войны – все говорили о конфликте между Афинами и Спартой. Мир, который он знал, был болен. И он, Ле-

андр-Хе́пи, был здесь не просто так.

Но что он должен делать? В Египте ключом было знание, записанное в камне. Здесь? Он не был писцом. Он был сыном фермера, обученным немного читать, много работать и держать в руках оружие – на случай набегов разбойников или спартанских наёмников.

Он шёл по улице, не видя дороги, когда его плечо грубо столкнулось с чьим-то.

–Смотри под ноги, деревенщина! – прошипел низкий голос.

Леандр поднял голову. Перед ним стояли трое. Не горожане. Наёмники. По стёртым сандалиям, потрёпанным хитонам и уверенным позам это было ясно. У двоих на поясах висели короткие мечи. Лидер, коренастый брюнет со шрамом через бровь, смерил Леандра оценивающим взглядом.

–Извини, – пробормотал Леандр, пытаясь обойти.

–Не так быстро, – шрамовик преградил ему путь. – Ты меня толкнул. Это оскорбление. Оскорбление стоит денег. Или... – его взгляд упал на кулак Леандра, из которого виднелся край монеты. – Что это у тебя там? Древность? Может, подаришь её в знак извинения?

Адреналин ударил в голову. Это были не просто грабите-

ли. В их глазах он увидел ту же холодную расчетливость, что была у Птахотепа. Охота уже началась?

—У меня нет ничего для вас, — твёрдо сказал Леандр, отступая к стене, чтобы не оказаться в окружении.

—Ошибаешься, — ухмыльнулся шрамовик и кивнул своим подручным.

Те двое двинулись на Леандра. Толпа вокруг расступилась, никто не собирался вмешиваться. Леандр знал, что ему не справиться с тремя опытными бойцами. Но сдаваться он не собирался. Он бросил быстрый взгляд вокруг, ища хоть какое-то оружие. Ничего.

Первый наёмник прыгнул, пытаясь схватить его за руку. Леандр инстинктивно отпрыгнул в сторону, и его свободная рука нащупала на прилавке рядом глиняную амфору. Не раздумывая, он швырнул её в нападающего. Тот увернулся, амфора разбилась о мостовую. Но это создало секундную заминку.

— Держи его! — зарычал шрамовик, выхватывая меч.

В этот момент из-за спины Леандра раздался спокойный, старческий голос:

—Кажется, молодой человек не хочет с вами общаться. Будет правильно его послушать.

Все обернулись. В арке ближайшего здания стоял старик. Очень старый. Его длинные белые волосы и борода были расчёпаны, хитон прост и потрёпан. Но глаза... глаза были молодыми, пронзительно-синими и полными такого спокойного авторитета, что наёмники замерли.

– Убирайся, старик, пока цел, – процедил шрамовик.

– Цел? – старик усмехнулся. – В мои годы целостность – понятие относительное. Но я советую вам убраться. Стража уже на пути. А если не стража... – он сделал шаг вперёд, и его трость из виноградной лозы слегка коснулась мостовой. – То я сам буду для вас большей проблемой, чем вы думаете.

Что-то в его тоне заставило наёмников задуматься. Они переглянулись. С улицы действительно послышались окрики и звук приближающихся шагов. Шрамовик плюнул.

– Встретимся ещё, мальчик. И с твоей игрушкой, – он бросил злобный взгляд на сжатый кулак Леандра и скрылся в переулке со своими людьми.

Леандр, тяжело дыша, обернулся к старику.

– Благодарю вас, господин...

– Демоклед. Просто Демоклед, – старик подошёл ближе. Его взгляд пристально изучал Леандра. – Ты носишь на себе печать прошлого, сын мой. И очень древнего прошлого. И,

судя по вниманию со стороны господина Киннада и его шакалов, ты носишь нечто, что представляет для них интерес.

– Киннад? – переспросил Леандр.

– Спартанский наёмник, работающий на того, кто платит. А платят ему, судя по всему, за поиск древностей определённого рода. Его часто видят в компании одного... странного коллекционера. Но это уже другая история. Ты ранен?

Леандр покачал головой. Демоклед кивнул.

– Тогда пойдём. Поблизости у меня есть скромное жилище. Думаю, нам есть о чём поговорить. И о монетах со спиралями, и о снах, которые не дают спать, и о долге, который жжёт сердце, как раскалённое железо.

Леандр остолбенел. Как этот старик мог знать?

– Не бойся, – улыбнулся Демоклед, и в его улыбке была мудрость и грусть. – Я тоже, бывает, слышу музыку. Ту, которой нет. И вижу трещины на этом прекрасном и жестоком мире. Пойдём. Пока Киннад не вернулся с подкреплением.

И Леандр, всё ещё не веря в происходящее, последовал за стариком, сжимая в кармане монету – свой якорь в море времени и единственную нить, связывающую его с целью, смысл которой ему только предстояло понять.

Глава 2: Слова, что рубят большее меча

Жилище Демокледа оказалось не домом, а пещерой. Вернее, естественным гротом в скалах к северу от Коринфа, частично обустроенным под жильё. Внутри пахло сухими травами, воском и старыми свитками. Полки, вырубленные в камне, ломились от папирусных и пергаментных свИТков. В центре горел невысокий огонь в очаге, над которым висел медный котелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.